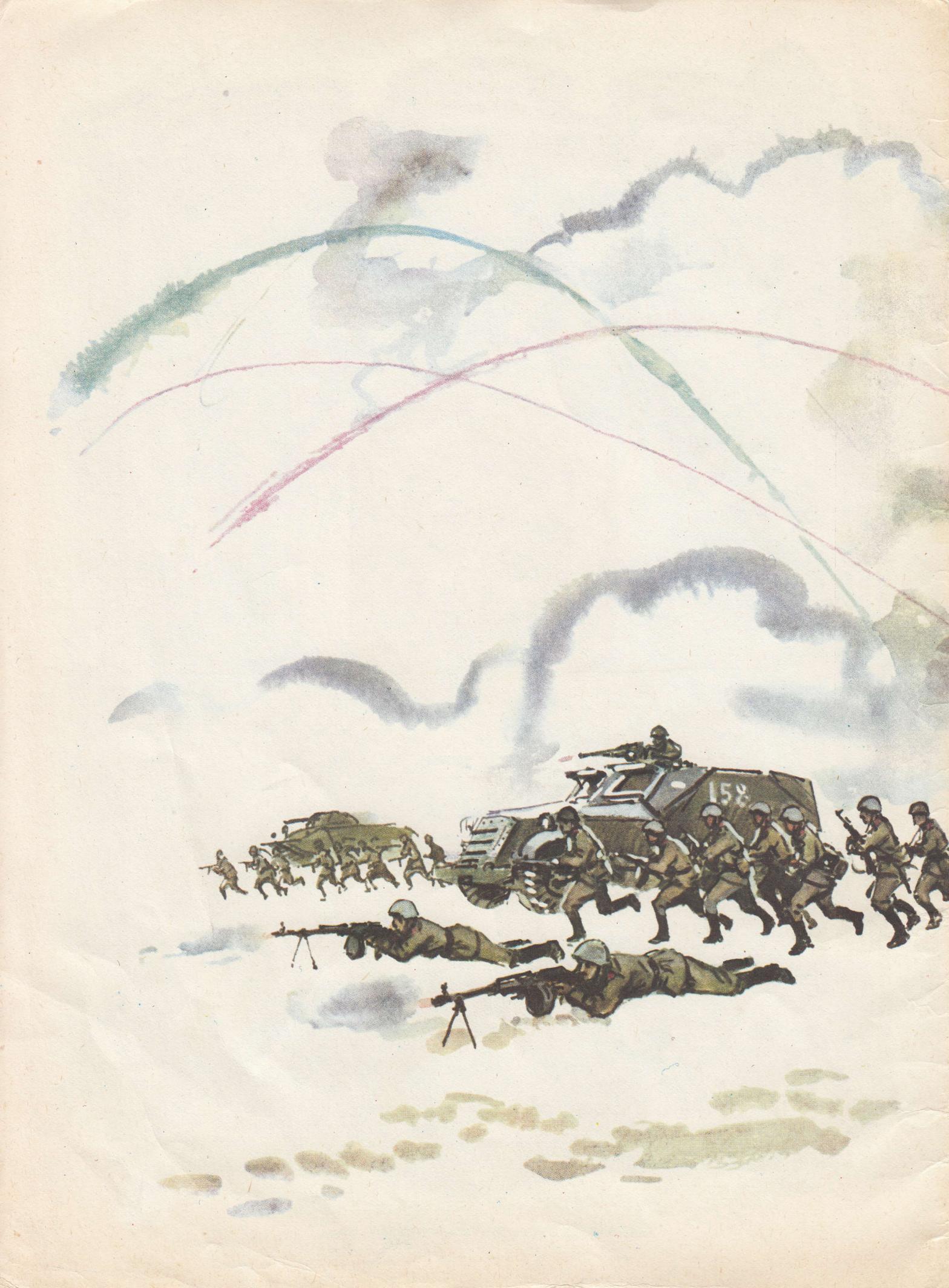

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

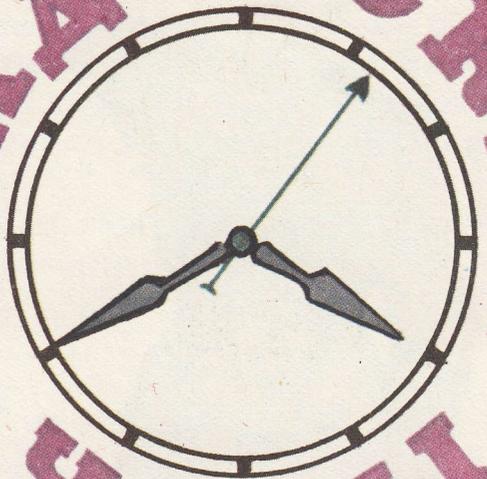

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

СОЛДАТСКИЕ
ЧАСЫ

Рисунки
В. Шевченко

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1988

Никольский Б. Н.

Н64 Солдатские часы: Рассказы/Рис. В. Шевченко. — Переизд. —
Л.: Дет. лит., 1988. — 20 с., ил.

ISBN 5—08—000013—9

Герои рассказов Б. Никольского — солдаты. Об их непростой службе, о том, как неумелые новобранцы становятся опытными воинами, рассказывает эта книга.

Н $\frac{4803010102-133}{M101(03)-88}$ 288—88

P2

ISBN 5—08—000013—9

© Издательство «Детская литература», 1973

© Состав. Оформление. Издательство «Детская литература», 1988

ГЛАВНАЯ СТРЕЛКА

Никогда не забуду свой первый день, а точнее — первый вечер в армии.

Случилось так, что мы — несколько человек — прибыли в свою часть на две недели позже, чем все остальные. Другие солдаты-новички уже успели к этому времени немного пообжиться, привыкнуть к армейским порядкам и на нас посматривали чуть свысока.

Днём мы помылись в бане, получили свеженькое обмундирование и познакомились со своими командирами. А вечером, когда наступила пора ложиться спать, или, как говорят военные, время отбоя, вся рота выстроилась в казарме. Нас же, новеньких, старшина поставил в сторонке, отдельно, и произнёс такую речь:

— Если я спрошу, какая стрелка в солдатских часах самая главная, что вы ответите? Часовая? Ничего подобного! Минутная? Опять ошибаетесь! Секундная — запомните это! Секундная стрелка самая главная! А почему? Да потому, что в армии каждая секунда на счету. И распорядок дня — закон для солдата. С завтрашнего дня он будет законом и для вас. А пока смотрите и запоминайте.

Тут старшина вынул из кармана галифе большие часы, повернулся к замершей по команде «смирно» роте и протяжно, даже торжественно скомандовал:

— Внимание, ро-ота! Приготовиться к отбою! Даю две минуты. Разойдись!

Строй моментально рассыпался.

Солдаты бросились к своим койкам. На бегу они расстёгивали гимнастёрки, срывали ремни, сдёргивали шапки.

Кто-то с кем-то столкнулся.

Кто-то запутался в гимнастёрке.

Кто-то не мог стянуть сапог и скакал на одной ноге.

Мелькали белые нижние рубашки, мелькали портянки, грохали сапоги, раскачивались койки.

И над всем этим мельтешением, суетой и спешкой звучал раскатыстый голос старшины:

— Осталась минута!

— Полминуты!

— Пятнадцать секунд!

— Отбой!

И сразу всё замерло.

Кто успел натянуть на себя одеяло и кто не успел — все так и застыли на койках. А несколько человек всё ещё топтались возле табуреток. И вид у них был растерянный и виноватый.

Кто-то из нашей группы хихикнул.

— Смешно? — спросил старшина. — Правильно. Смешно.

Он неторопливо оглядел ряды табуреток с как попало брошенным обмундированием, оглядел солдат, застывших на койках.

— Ро-ота! — скомандовал он. — Подъём!

Опять замелькали рубашки. Гимнастёрки. Портянки. Галифе. Сапоги. Как будто ту же самую киноленту, которую мы только что просмотрели, теперь завертели в обратном направлении.

Построились солдаты, а старшина — снова:

— Ро-ота! Отбой!

И ещё через три минуты:

— Ро-ота! По-одъём!

— Отбой!

— По-одъём!

— Отбой!

— По-одъём!

Больше никто из нас уже не смеялся. Мы поняли, что с завтрашнего дня нам предстоит то же самое.

И мы не ошиблись.

Сколько было этих «подъёмов» и «отбоев»!

Сколько раз подгонял нас неумолимый голос старшины: «Осталась минута!», «Полминуты!», «Пятнадцать секунд!»

Сколько раз ругали мы в душе наших командиров: «Подумаешь, какая важность: лишние пятнадцать секунд!»

И сколько раз злились на самих себя, когда никак не давались нам эти последние пятнадцать секунд!

А сколько узнали мы маленьких, очень простых и очень важных секретов: как правильно сложить гимнастёрку, чтобы утром в спешке не запутаться в ней, как быстрее натянуть сапоги, как правильно завернуть портянку, чтобы потом не стереть ногу...

Но зато как радовались мы, как гордились собой, когда по первой ночной тревоге наша рота поднялась быстрее всех и когда в ответ на похвалу командира полка мы дружно гаркнули:

«Служим Советскому Союзу!»

РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА ЗАРЯДКУ!

КЛИМАТ КЛИМАТОМ...

Первый год я служил на востоке, в Сибири, в холодных краях. Помню, утром диктор по радио объявляет: «Сейчас температура воздуха минус двадцать восемь градусов...»

А сержанты — наши начальники — командуют, торопят:

— Поживее, поживее! Строиться на зарядку!

Потом перевели меня на юг, в Среднюю Азию. Утром соскакиваем с коек — диктор сообщает:

«Сейчас температура воздуха плюс двадцать девять градусов...»

На улице солнце уже вовсю припекает. В тени бы сейчас посидеть, в прохладе...

А сержанты командуют, торопят:
— Поживее, поживее! Строиться на зарядку!
Климат климатом, а зарядка зарядкой...

И такая была та зарядка, что сон сразу как рукой снимало. Начи-
налась зарядка всегда с бега. Пробежим километр-полтора, потом
принимаемся за вольные упражнения.

А вот одному солдату — рядовому Мамонтову — бег никак не
давался. Не умел он бегать. Не любил. Пробежит метров двести и
уже отстаёт от взвода, позади плетётся.

— Сердце у меня слабое, — говорит. — Задыхаюсь. Не могу
бегать. Не имеете права с моим слабым здоровьем меня на заряд-
ку гонять. Я врачу пожалуюсь.

И правда, пошёл он вскоре к врачу — жаловаться. Вернулся
довольный.

— Всё в порядке, — говорит. — Врач очень внимательный че-
ловек оказался. Осмотрел меня, выслушал, лекарство обещал
выписать.

А тут как раз дежурный по
роте приносит от врача специаль-
ную тетрадку, куда врач все ре-
цепты записывал.

Раскрыли мы тетрадку, а там
записано:

*Рядовому Мамонтову прописы-
ваю: первую неделю каждый день бе-
гать по километру, вторую неделю —
по полтора километра, третью неде-
лю — по два километра.*

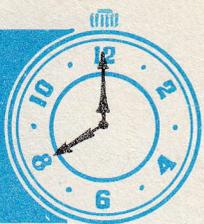
Доктор Добрецов.

Вот тебе и лекарство!

С тех пор бегал Мамонтов на
зарядку вместе со всеми. Больше
на своё здоровье не жаловался.

РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА УТРЕННИЙ
ОСМОТР!

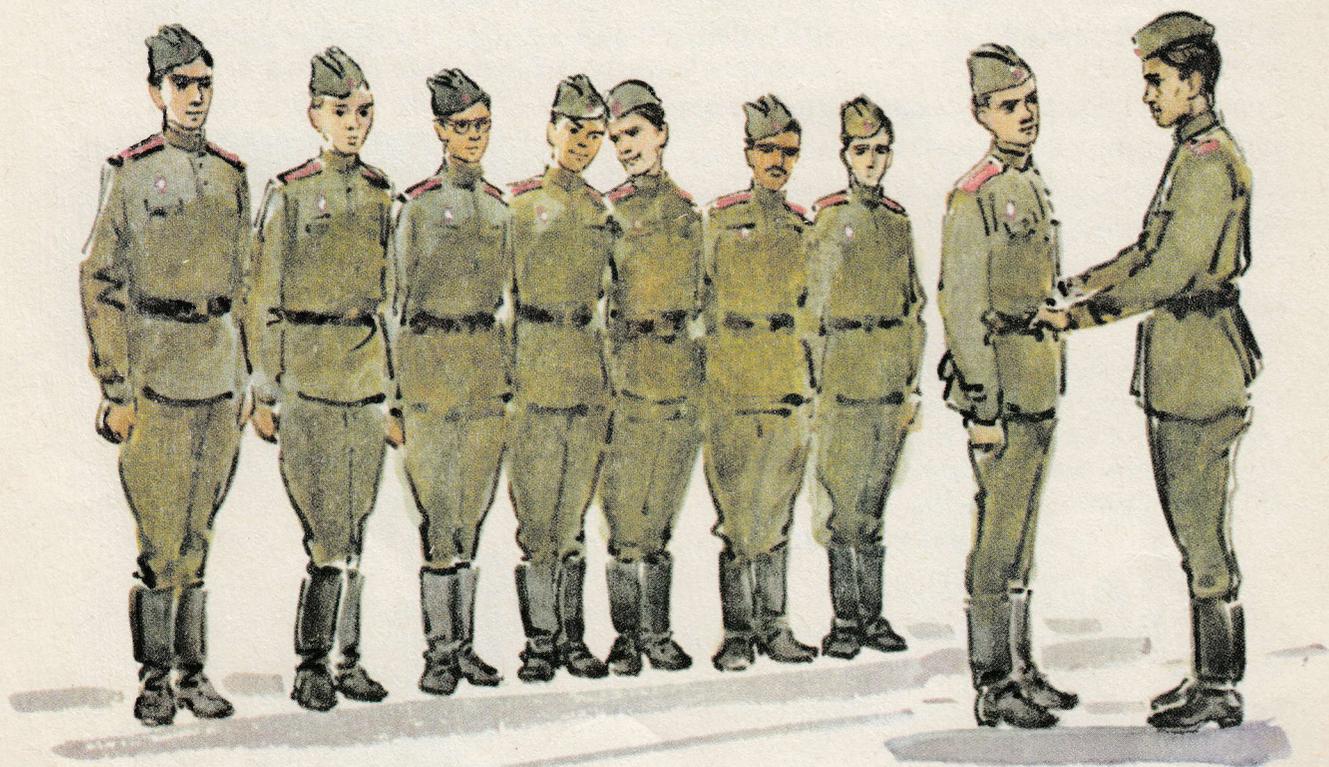

ВТОРАЯ НАТУРА

После зарядки только успеешь заправить койку, почистить сапоги, умыться, а дневальные уже подают команду:

— Строиться на утренний осмотр!

Утренний осмотр для молодого солдата вроде экзамена. Выдержишь или не выдержишь. Только экзамен этот не раз в год, не раз в месяц, а каждый день.

Идёт сержант, командир отделения, вдоль строя, медленно идёт и к каждому солдату присматривается.

Аккуратно ли пришит подворотничок — смотрит.

Все ли пуговицы на месте — смотрит.

Хорошо ли вычищены сапоги — тоже не забудет взглянуть.

Не набиты ли чем лишним карманы, на месте ли носовой платок — всё интересует сержанта, каждая мелочь.

Знает сержант: дисциплина в армии начинается с привычки к аккуратности, к порядку.

Правда, был в нашем взводе один солдат, который никак не хотел привыкать к порядку. Звали его Миша, фамилия — Соловьёв. Был он парень разболтанный, избалованный. Вот ему чаще всех и доставалось и от старшины, и от командира отделения, и от командира взвода. Короче говоря, ото всех командиров. Только, бывало, и слышишь: «Соловьёв, опять сапоги плохо почистил?», «Соловьёв, а пуговицу кто за вас пришивать будет?», «Соловьёв, а почему койка небрежно заправлена?»

А самому Соловьёву, конечно, казалось, что к нему просто придираются. Но делать нечего, в армии с командирами не поспоришь: приходилось ему каждый день и сапоги чистить, и койку перезаправлять по нескольку раз, и пуговицы пришивать. Зато, когда останемся одни, он и говорит: «Надоела мне такая жизнь. Вот увидишь: как только отслужу, домой вернусь, спать буду сразу часов по двадцать в сутки, честное слово. Постель заправлять ни за что не стану. К сапожной щётке никогда не притронусь. Не веришь? Вот чем хочешь клянусь!»

И так случилось, что уезжали из армии мы с ним вместе. Вместе пришли на вокзал, вместе сели в один поезд и поехали домой.

Утром я вижу: Соловьёв берёт сапожную щётку, идёт в тамбур и как ни в чём не бывало начинает надраивать сапоги.

— А как же твоя клятва? — спрашиваю.

— Тьфу ты! — говорит. — Совсем забыл!

Размахнулся и тут же вышвырнул щётку за окно вагона.

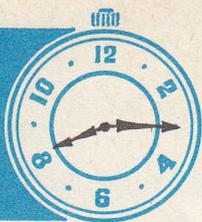
На другой день остался в нечищенных сапогах. Но вижу: нет-нет да и поглядывает себе на ноги. словно его беспокоит что-то. Но молчит. И на следующий день — тоже. А поздно вечером — я уже на верхнюю полку забрался, засыпать начал — вдруг слышу: кто-то тихо-тихо мой чемодан приоткрывает.

Обернулся, а это Миша Соловьёв. И в руках у него — моя сапожная щётка.

— Понимаешь, — говорит он виноватым голосом, — не могу. Привык. Такое чувство, словно бы не умывался.

Недаром, видно, есть такая пословица: «Привычка — вторая натура». Второй характер, иначе говоря.

СОЛДАТСКИЙ АППЕТИТ

Когда человек слабосилен, когда не может справиться с каким-нибудь делом, про него говорят: «Мало каши ел». Зато про солдат этого никак не скажешь. Потому что каша — главная солдатская пища.

Не знаю, кто как, а я кашу ещё с детства любил. И в армии ел её с удовольствием. До сих пор помню: войдёшь в столовую с мороза усталый, а на столе бачок — дымится горячая пшённая каша! Хорошо! Сядут за стол одиннадцать человек — не успеешь оглянуться, бачок уже пуст.

Сколько служил я в армии, никогда не слышал, чтобы солдаты на аппетит жаловались. Не зря говорят, что солдатское питание так хитро рассчитано, что толстые в армии худеют, а худые поправляются. Во всяком случае, я поправился, это точно могу сказать.

РОТА,
ПРИСТУПИТЬ
К ЗАНЯТИЯМ!

ПРО ТРЕНИРОВКУ

Честно говоря, когда ехал я в армию, военную службу представлял себе очень смутно. Мне мерещились манёвры, парады, атаки, крики «ура!», дымовые завесы, грохот взрыв-пакетов...

А увидел я...

Увидел я первым делом расписание занятий, совсем как расписание уроков в школе. И классный журнал, совсем как в школе. И отметки в журнале.

Только вместо школьных звонков дневальный подаёт команды: «Приступить к первому часу занятий!», «Окончить первый час занятий!...»

Только ни опоздать, ни прогулять никак нельзя. Потому что на занятия — строем и с занятий — строем. Дисциплина. И уроки, конечно, другие.

Физподготовка — чтобы стать сильными.

Огневая — чтобы стать меткими.

Инженерное дело — чтобы стать неуязвимыми.

Строевая — чтобы стать выносливыми.

Много разных предметов, все не перечислишь. Только успевай заниматься.

Привели нас впервые на полосу препятствий. Командир наш, сержант Остроухов, объяснил нам, что к чему, показал, как под ключей проволокой ползти, и как через забор перемахнуть, и как окоп перепрыгнуть.

— Ясно? — спрашивает.

— Ясно! Ясно! — отвечаем мы.

До того всё это легко и ловко получалось у сержанта, что и нам показалось: подумаешь, что тут сложного! И полоса вроде бы не очень длинная, и забор не очень высокий, и окоп не очень широкий.

А как стали сами преодолевать эту полосу, тут и началось! Кто шинелью за проволоку зацепился. Кто на заборе застрял. А кто до окопа добежал и выдохся: не то что перепрыгнуть — и шагу больше сделать не может.

Ещё раз попробовали — опять не выходит. В третий раз — ещё хуже. Только совсем вымотались. Вспотели, перемазались. Еле дышим. И обидно: неужели мы такие неспособные?

А сержант улыбается.

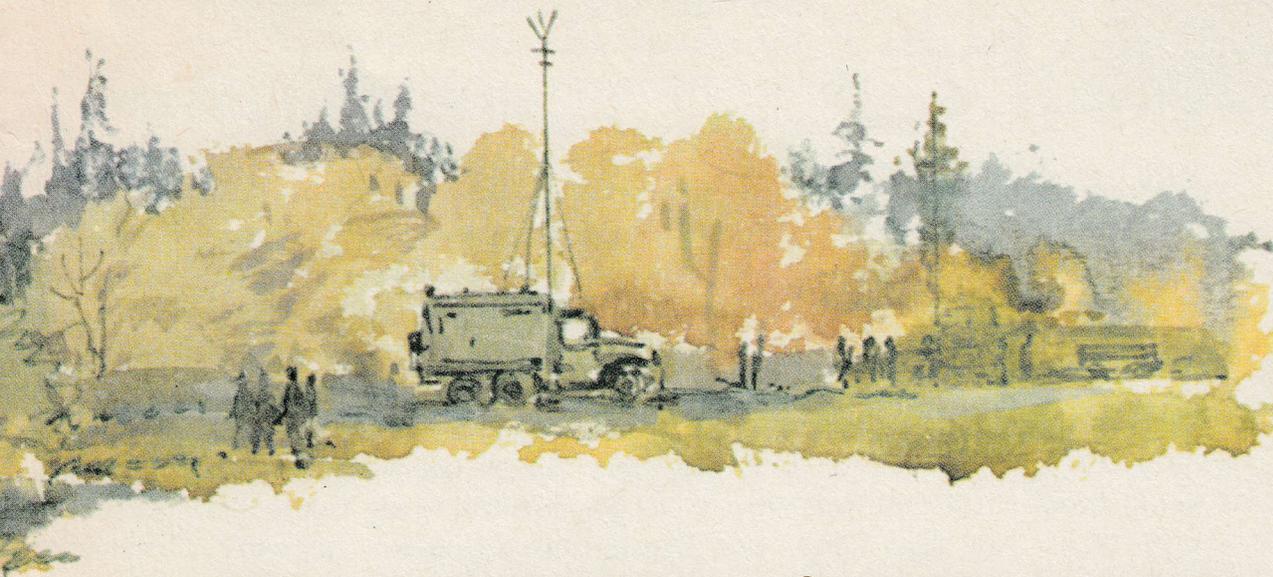
— Запомните, — говорит, — даже самую простую вещь без тренировки не одолеешь.

Построил он взвод и повёл дальше.

— Сейчас, — говорит, — я покажу вам радиостанцию, которую вы будете изучать. Вот смотрите.

— Где? Где? — спрашиваем мы.

Потому что вокруг ничего нет, похожего на радиостанцию. Только стоят три большие крытые автомашины.

— Да вот же! — говорит сержант Остроухов и показывает на машины. — Это она и есть.

Вот так да! Целых три машины! Да разве такую махину одолеешь? Там одних радиоламп, наверно, штук триста! А разных переключателей, приборов, стрелок, кнопок, сигнальных лампочек — попробуй разберись!

— Ну как? — спрашивает сержант. — Нравится?

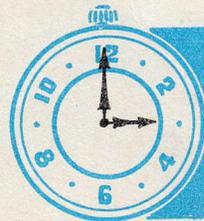
А мы молчим. Нет, видно, никогда нам на такой радиостанции не работать.

— Ничего, — говорит сержант Остроухов. — Запомните: даже самую сложную штуку одолеешь тренировкой...

И знаете, прав он оказался. Потому что и полосу препятствий мы осилили, и на радиостанции работать научились, даже в больших манёврах потом участвовали — и ничего, не подкачали.

Только если бы дневальные отсчитывали с самого начала те часы, что провели мы на полосе препятствий, и те часы, что тренировались на радиостанции, то в конце концов должны были бы звучать такие команды: «Окончить семьсот пятьдесят шестой час занятий!», «Приступить к семьсот пятьдесят седьмому часу занятий!»

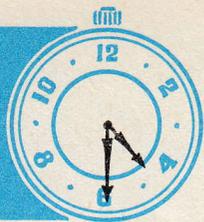
Или что-нибудь в этом роде.

РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА ОБЕД!

ОБЕД

Про обед могу сказать то же самое, что про завтрак.

«КРЕСТИКИ-НОЛИКИ»

Недавно я встретил на улице своего старого товарища — Толю Капустина. Мы вместе с ним в одной роте служили. Теперь он уже солидный человек. Заочный институт закончил. Начальник цеха на большом заводе. Не Толя, а Анатолий Иванович. И никто, конечно, не догадывается на заводе, что у этого солидного человека когда-то было смешное прозвище Крестики-Нолики.

И вот почему.

Когда мы служили в армии, больше всего не любил Толя Капустин часы самостоятельной подготовки. Никак ему было не выси- деть спокойно эти два часа. Все занимаются, а он скучает. Поли- стает для вида книгу и шепчет соседу:

— Давай в «морской бой» сыграем?

Три игры у него были любимых — «морской бой», «балда» и «крестики-нолики». В эти игры он всех обыгрывал.

Сержант Остроухов заметит, подойдет к нему:

— Опять вы, Капустин, посторонним делом занимаетесь? По- лучите-ка наряд вне очереди.

А наряд вне очереди — это значит пол мыть.

Вечером Капустин моет пол в казарме, его спрашивают:

— За что тебя?

— За «морской бой»... — отвечает.

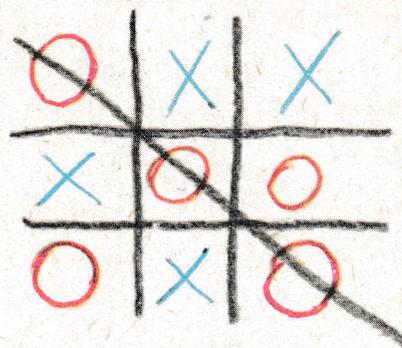
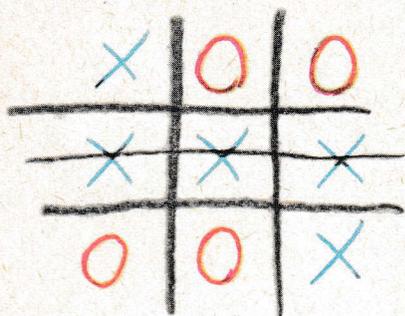

На другой день опять моет, опять спрашивают:

— А сегодня за что?

— За «крестики-нолики»...

Так вот и прозвали его Крестики-Нолики.

Только кому же понравится каждый день пол мыть?

Никому не понравится.

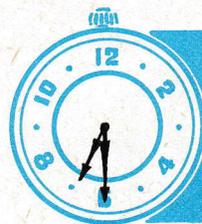
И Капустину не нравилось. А что будешь делать? Волей-неволей пришлось заниматься. Не было другого выхода.

И вот теперь, спустя несколько лет, когда мы встретились, я не удержался, спросил:

— А «крестики-нолики» помнишь?

— Ещё бы! — засмеялся Капустин. — Ох и злился я тогда на нашего сержанта! А теперь спасибо ему говорю. Если бы не армия, я бы никогда в жизни институт не закончил. До армии меня и палкой за уроки было не засадить. Только в армии и привык самостоятельно заниматься. А всё он — сержант Остроухов.

Вот тебе и «крестики-нолики»!

ЛИЧНОЕ
ВРЕМЯ
СОЛДАТА

ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ СОЛДАТА

Есть и такое в распорядке дня. Чтобы письмо домой написать. Книжку почитать. Отдохнуть. Так оно и называется: личное время.

Только я сначала этого времени совершенно не замечал. Будто его и не было вовсе.

Потому что времени мне не хватало. Я постоянно торопился и постоянно чего-нибудь не успевал.

В личное время я учился прыгать через «коня».

В личное время мыл противогаз.

Стирал подворотнички.

Тренировался на полосе препятствий.
Читал учебники.

А когда наконец собирался сесть за письмо или сыграть в шашки, дневальный уже командовал: «Рота, приготовиться к построению на ужин!»

И так весь первый месяц. И второй — тоже. И третий.

Но вот однажды подошёл ко мне мой друг Саня Калашников и говорит:

— Давай-ка сыграем в шахматишки?

— Какие ещё шахматишки? — говорю я. — Не видишь, что ли, мне некогда.

— Почему некогда? — говорит он. — Ты же ничего не делаешь.

И тут я обнаружил, что и правда ничего не делаю. И ужасно удивился. Неужели я наконец-то успел сделать всё в своё время, когда положено?

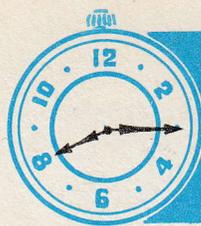
Вот тогда, наверно, я первый раз и почувствовал, что становлюсь настоящим солдатом.

РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА УЖИН!

УЖИН

Про ужин могу сказать то же самое, что и про обед.

ВНИМАНИЕ!
СЕГОДНЯ
в 20 часов 15 минут
СОСТОИТСЯ
ЛЕКЦИЯ

КАК МЫ НАРУШАЛИ РАСПОРЯДОК

А когда же провести комсомольцам своё собрание? Когда послушать интересную лекцию? Когда поспорить о новой книге?

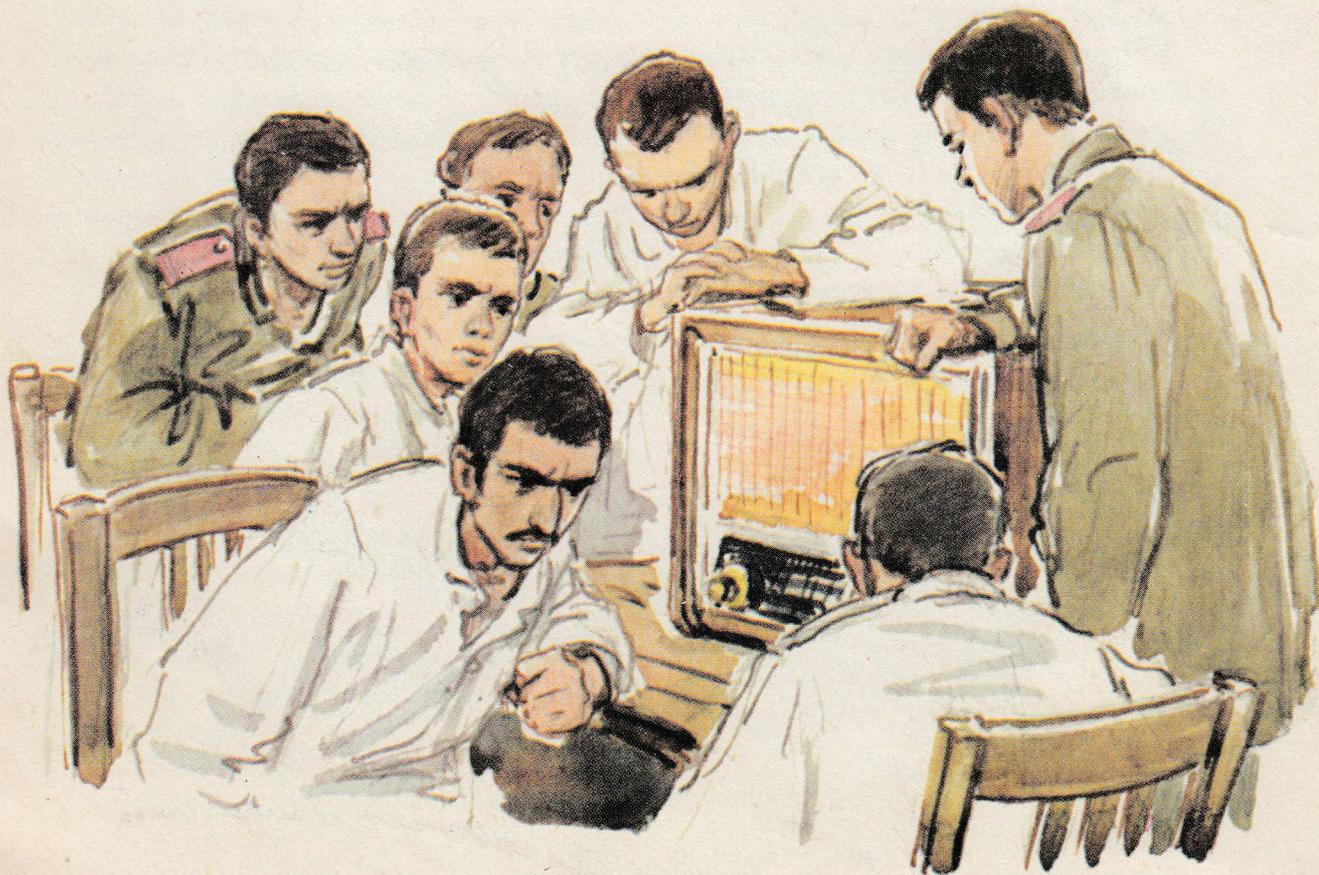
Оказывается, и для этого есть в распорядке дня специальное время.

Потому что, где бы ни служил солдат — в большом городе или на далёком-далёком полуостанке, — солдата всегда интересует, что делается в мире.

В то лето, когда служили мы, в мире было тревожно. Враги напали на революционную Кубу. Храбрые кубинские солдаты отважно сражались за свою свободу.

Каждый день нам не терпелось узнать последние новости.

Но мы служили далеко на востоке. Когда в Москве только рассветало, у нас уже наступал полдень. Когда в Москве начинало темнеть, у нас уже была глубокая ночь. Когда московский диктор желал своим радиослушателям спокойной ночи, у нас дневальные

по казарме кричали: «По-одъём!» И последние известия, которые передают в Москве в семь часов вечера, приходились на час ночи.

Но мы не хотели ждать утра.

Мы просто не могли ждать. Как там дела на Кубе? Вот что не давало нам покоя.

И мы просили дневального потихоньку от командиров разбудить нас посреди ночи и слушали радио...

Конечно, это было нарушение распорядка дня, а точнее сказать — распорядка ночи. Но я думаю, если бы командиры узнали об этом, они бы не рассердились, они бы поняли нас.

ВРЕМЯ УХОДА
ЗА ЛИЧНЫМ
ОРУЖИЕМ

ОРУЖИЕ ЛЮБИТ ЛАСКУ...

«Оружие любит ласку — чистку и смазку» — эту старую поговорку каждый солдат знает. А я бы, пожалуй, так сказал: «Оружие любит ласку — когда чистку, а когда смазку».

И вот почему.

К своим первым стрельбам мы готовились особенно долго и тщательно. На занятиях по огневой подготовке изучали автомат. Тогда у нас были автоматы ППШ. Хорошие автоматы, надёжные. С ними наши бойцы всю войну прошли.

Ещё учились мы правильно целиться. Учились плавно нажимать спусковой крючок. Учились правильно ложиться.

И конечно, с нетерпением ждали дня стрельб.

А в день стрельб с утра ударил мороз — градусов тридцать, не меньше. Но всё равно точно в положенное время наш взвод прибыл на стрельбище.

Вышли солдаты на огневой рубеж. Загремели выстрелы.

И вдруг — что такое? Один автомат не сработал. Потом второй. Потом третий.

Даже опытные сержанты заволновались. Никогда такого в роте не было. Настоящее чрезвычайное происшествие!

А хозяева отказавших автоматов стояли с такими обиженными лицами, словно их обманули. Столько старались, столько готовились, и выходит — всё зря? Вот тебе и надёжное оружие...

— Ничего, — спокойно говорит командир роты. — Сейчас разберёмся.

Взял он один автомат, вынул затвор, помудрил над ним немного.

— Так и есть, — говорит. — Смотрите.

May

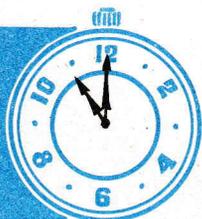
А там на одной крошечной детали — застывшая смазка. Простым глазом её еле видно. Неужели из-за такого пустяка автомат не стреляет?

— Да, — говорит командир роты, — не будь мороза, это и правда пустяк. А в мороз и такой пустяк важен.

Протёр как следует детали затвора, вышел на огневой рубеж, и — бах! бах! — ожил автомат!

С тех пор мы ещё тщательнее осматривали, и чистили, и смазывали свои автоматы.

РОТА,
ОТБОЙ!

ОТБОЙ

Близится к концу долгий солдатский день.

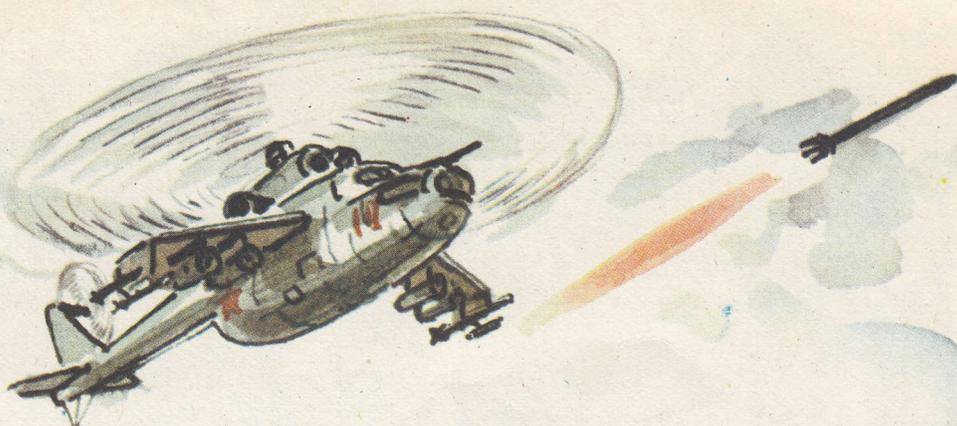
Старшины выводят роты на прогулку. И не упустят случая лишний раз потренировать солдат: «Строевым! Строевым! Запевала, песню!»

И хотя не видно в темноте, какая рота идёт, это нетрудно узнать по песне. У каждой роты своя любимая песня. Роты словно соревнуются одна с другой. Словно стараются перепеть одна другую.

Но вот затихают песни возле казармы.

А там уже вечерняя поверка: старшина назначит дежурного по роте и дневальных на завтрашний день, проведёт перекличку, сержанты отчитают провинившихся и похвалят отличившихся за день, и всё.

ОТБОЙ!

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Никольский Борис Николаевич
СОЛДАТСКИЕ ЧАСЫ

Ответственный редактор А. П. Ефремов.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректор В. Г. Арутюнян.

ИБ 10566

Сдано в набор 25.03.87. Подписано к печати 22.02.88. Формат 60×90¹/₈. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Шрифт журнальный рубленый. Усл. печ. л. 2,5. Усл. кр.-отт. 18. Уч.-изд. л. 2,19. Тираж 300 000 экз. Заказ № 206. Цена 20 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

20 коп.

